

Література:

1. Блохин Ю. Основы творческого метода І. Франка. Дисертація. – Харків, 1940.
2. Бойко Ю. Вибране. – Мюнхен, 1971. – Т. 1.
3. Бойко Ю. До проблеми розвитку Франкового стилю // Іван Франко. Збірник філологічної секції для відзначення 110-річчя народин і 50-річчя смерті Івана Франка. – Нью-Йорк–Париж–Трентон, 1968. – Т. 33.
4. Драгоманов М. Русские в Галиции // Вестник Европы, 1883.
5. Переписка М. Драгоманова і М. Павлика. – Чернівці, 1910. – Т. 2.
6. Тетерина Д. Життя і діяльність Юрія Бойко-Блохина. До 70-ти річчя діяльності. – Мюнхен–К., 1998. – Т. 1.
7. Тетерина Д. Короткі штрихи історії ОУН та політичної діяльності Ю. Бойка-Блохина. – Мюнхен–К., 1999. – Т. 2.
8. Тетерина Д. Діяльність Юрія Бойко-Блохина на тлі подій ОУН (1960-1996). – Мюнхен–К., 1999. – Т. 3.
9. Тетерина Д. Ідеал провідника. – Мюнхен–К., 2000. – Т. 4.
10. Франко І. Молода Україна. – Львів, 1910.
11. Франко І. Чи вертатися нам назад до народу? // Світ, 1881. – Ч. VI.
12. Франко І. Оповідання. – Авгсбург, 1946.
13. Франко І. Література, її завдання та найважливіші ціхи // Молот. – Львів, 1878.
14. Франко І. Твори. – “Рух”, 1924. – Т. X.

Нина Надьярных (Москва, Россия)

Собеседование мышления Ивана Франко и Дмитрия Чижевского

Мысль о Сковороде-писателе как сыне своего времени задолго до Дмитрия Чижевского высказал Иван Франко. В статье “Южно-русская литература” (1904) читаем: “Совершенно новым явлением в южно-русской литературе с точки зрения образования, широты воззрений и глубины мыслей является мистик и моралист Сковорода, человек с европейским образованием, аскет, но вместе с тем жизнерадостный оптимист, требующий от жизни малого и дающий ей взамен все. Как писатель он дитя своего времени и возвращается в его формах, пишет вирши и песни довольно неуклюжим книжным языком, диалоги и трактаты, напоминающие иногда тон Вишенского; как автор “Харьковских басен” является предтечей Крылова и Гребенки. Его проповедь жизнерадостной гуманности имела влияние на возрожденцев украинской литературы Котляревского и Квитку” [2: т. 41: 117].

В поле чрезвычайно властной духовной притягательности Г. Сковороды И. Франко находится многие годы. И не из-за гипноза “мистических” флюидов. У него был совершенно реальный – научный мотив: определить место Г. Сковороды

в истории украинской литературы. И он определяет его точно, бескомпромиссно, и вне всяких полемических рефлексий¹. Для него Г. Сковорода – “явление, весьма заметное в истории развития украинского народа”, “чуть ли не один из самых заметнейших среди всех наших духовных деятелей XVIII века” [2: т. 40: 362]. И дальше, с видом на перспективу: “Глубокий гуманизм, чьим глашатаем был Г. Сковорода, делается основанием лучших сочинений украинской литературы XIX века” [2: т. 41: 119].

В таком амплуа Г. Сковорода представлен в историографических работах И. Франко, написанных в конце XIX – начале XX века, в обзорах, рецензиях, откликах, переписке². Считая историю национальной литературы неотъемлемой частью духовного развития нации и, больше того, – его (развития. – *Н. Н.*) вершинным выражением [2: т. 29: 437], И. Франко видит в Г. Сковороде некий знак. В своей диагностике литературного развития он неслучайно каждый раз акцентирует новое: новые тенденции, черты, грани, “постати”, как любил он говорить (то есть фигуры, таланты), – весь комплекс новизны в сумме всех его составляющих – от эстетических и идейных до психологических, философских и этических. Рождение нового в литературе подтверждало его убежденность в жизненности духовных потенций нации, указывало на неостановимость динамики ее самосознания, мировидения, чувствования, одним словом, на бесценность того, что мы, легковесно обойдясь с живой плотью национального феномена, насильно заключили нынче в тупиковую щель, именуемую менталитетом.

Появление Г. Сковороды на литературном небосклоне XVIII века – факт колоссальной культурно-исторической значимости, веха в развитии национальной духовности. Так мыслит И. Франко, внося знаковые уточнения в литературную карту и основательно меняя историографические ценностные ориентиры, ибо

---

¹ Отношение к Г. Сковороде в те времена (на переломе XIX–XX ст.) было неоднозначным. “...Любопытно, – писал И. Франко в 1895 году, – что о характере и значении его деятельности высказываются еще и до сих пор разные, прямо противоположные взгляды. Одни называют его мистиком, другие рационалистом, одни сравнивают его с Сократом, другие со Спинозой, одни видят в его произведениях пантеизм, другие – чистое христианство, а в итоге некоторые не видят в нем ничего, кроме чудачества, путаного стиля и устаревшей беседы. Профессору Харьковского университета Д. Багалию без сомнения принадлежит большая заслуга в том, что он заложил первую и наиважнейшую основу лучшего понимания и выяснения особенностей этой необычной и характерной фигуры” [2: т. 29: 437].

² Немалый интерес вызывает уже самый перечень работ и писем И. Франко, так или иначе связанных с именем Г. Сковороды: “Банкет духовний” (1892); “Тополя” Т. Шевченка” (1892); “Русько-український театр (Історичні часи)” (1894); “В. Перетц. Очерки старинной малорусской поэзии” (1903); “Южно-русская литература” (1904); “Історія української літератури. Часть перша. Від початків українського письменства до Івана Котляревського” (1907); “Нарис історії української літератури до 1894 р.” (1910); “До редакції газети “Рада” в справі “Нарису історії української літератури” (3 приводу рецензії) (1910); “Солдатська пісня про Суворова” (1911); “Пісня про Свірговського (1574)” (1915); письма к А. Крымскому: (середина февраля 1894, 22.03.1894, 13.05.1894, 21.12.1894); М. Драгоманову (22.03.1894); Ю. Яворскому (12.09.1894).

теперь он говорит о новом как об открытии: о свершении “нового типа писателя”, об “искрах новых чувствований и взглядов, критицизма и рефлексии” – красноречивых свидетельств того, что “рождается тип современного писателя, который выступает не глашатаем привычных массовых предписаний и постулатов традиционной доктрины, а явлением индивидуальным, со своими собственными взглядами, сформированными своей собственной весьма развитой индивидуальной жизнью и мышлением” [2: т. 40: 362]. Литературоведческий поиск на рубеже столетий крайне нуждался в такой живительной подпитке. А И. Франко писал: “В нашей литературе, развитие которой ввиду неблагоприятных обстоятельств страшно запоздало, эпоха преобладания традиционного элемента над свободным выражением писательской индивидуальности длилась вплоть до конца XVIII века, в Галиции же и того дольше – до Шашкевича, несмотря на то, что еще в XII веке автор “Слова о полку Игореве” положил счастливое начало поэзии индивидуально сильно окрашенной. Произведения остальных наших писателей имеют интерес по преимуществу языковой (буквально *речевий*, что может читаться и как *вещный*, в данном случае: доказывающий факт наличия. – Н. Н.), авторов за ними не видно, равно как не видно и тех кровных узлов, что обычно связывают автора-индивидуальность с написанным. Исключения, вроде Ивана Вишенского и Самовидца, можно перечислить по пальцам” [2: т. 28: 78].

С новыми акцентами возникала надобность корреляции, выяснения соотношений, соответствий литературной жизни духовной жизни народа. Был интерес и историографический по преимуществу: требовались уточнения в периодизации литературного развития, ибо доказывал свою правоту аргумент в пользу его идентичности с национальной духовной динамикой; диагностика литературного развития обретала историческую и теоретическую объемность.

Данных об отношении Д. Чижевского к осуществленному И. Франко у меня нет. Может, что-то подскажут еще архивы. Но суть не в этом.

При сопоставлении их взглядов наблюдается своеобразное “собеседование мышления”, если воспользоваться соответствующим ситуацией выражением М. Хайдеггера, как мы помним, учителя Д. Чижевского во Фрейбургском университете. Собеседование многовекторное, построенное на многочисленных притяжениях-отталкиваниях, хотя и всегда выраженное личностно. Мы видим обильную вспененность историографической модели Д. Чижевского философско-эстетической мыслью Запада – феноменологией, структурализмом, герменевтикой, но и ее столь же прочную укорененность в традиции, и имя И. Франко здесь одно из первых, особенно при взгляде на такие исходные для обоих ученых вещи, как критерий духовности в историографическом литературном исследовании, о чем уже раньше говорилось.

С “разбега” мне даже подумалось о каких-то типологических аналогиях. Но меня остановили отличия подходов, индивидуальное видение предмета. Так, скажем, в цели И. Франко не входит детальный анализ художественной стороны про-

изведений Г. Сковороды, его стиля, тем более, что он считает его “необычайно кудреватым и озорным” [2: т. 34: 430]. Отдавая должное сквородинским псалмам, И. Франко отказывается в художественном совершенстве его диалогам. “И вообще ценность его стихов весьма минимальна” [2: т. 41: 257], – заключает он. Но тут же, пренебрегая своим жестким приговором, возносит Г. Сковороду – художника слова необычайно высоко, выше Саади¹, а “Харьковские басни”, “писанные русским с сильным украинским акцентом”, считает произведением, которое единственно стоит перевести на украинский язык и сам неоднократно высказывает желание сделать это. “Басни написаны хорошей, в чем-то даже грациозной прозой” [2: т. 41: 257].

У Д. Чижевского центр тяжести, напротив, находится в скрупулезнейшем рассмотрении художнического “я” Г. Сковороды. Г. Сковороду он оценивает как писателя барочного, отпавляясь от своего же понимания барокко, обладающего высокой научной репутацией познания этой эпохи в украинской культуре. Согласно этому пониманию – я несколько предворяю свой дальнейший разговор, – барокко, по мнению Д. Чижевского, “не считает высшей задачей искусства пробуждать спокойное религиозное или эстетическое чувство. Для него важнее растроганность, возбужденность, сильное впечатление. С намерением расшевелить, взбудоражить, потрясти человека связаны главные черты стиливого искусства барокко, его жажда силы, преувеличений, причудливости, гипербол, его любовь к парадоксам, к необычному, “гротеску”, пристрастие к антитезе и, должно быть, к крупным формам, универсальности и всеохватности” [2: т. 49: 280]. Отсюда – нацеленность Д. Чижевского на анализ стиля Г. Сковороды, в котором отразились характерологические черты автохтонного и украинского барокко: универсализм, антитетичность, истоком своим имеющая противопоставление духовного и плотского начал в человеке, а также “странности”, как тот же “срыв-переворот”, к которому такую привязанность в мышлении и поэтике питало барокко [1: 345], и разного рода “неожиданности” (то, что у И. Франко выглядит кудреватостью и озорством), философские рефлексии, частично реализуемые в концептах и т. д.

В поле своего зрения И. Франко намеренно не включает опыт Г. Сковороды-философа. “Не считая Сковороду вообще философом, только моралистом, я не мог углубляться в оценку его вопросов с философической точки зрения”, – пишет он, к примеру, отвечая своему рецензенту “Очерка украинской литературы”, упрекавшему его в том, что он (И. Франко) “философским писаниям” Г. Сковороды “не придает никакого значения”. И. Франко все же счел нужным поправить рецензента. Указывая на соответствующую страницу своего труда, он пишет о том, что в целом кое-что у него (И. Франко) в отношении философии Г. Сковороды все же “представлено лучше и осмысленнее, нежели то кажется рецензенту” [2: т. 50: 386].

---

¹ Письмо И. Франко А. Крымскому от 22 марта 1894 года: “Я сожалею, что Вы избрали (для перевода. – Н. Н.) этого мизерного Саади... Сковородинские “Харьковские басни” в десять раз глубже и лучше рассказаны, чем басни Саади” [2: т. 49: 280]. И с той же датой письмо М. Драгоманову: “Прочитал сегодня “Харьковские басни” Сковороды и вижу, что этот “старчик” имел недюжинный талант писательский” [2: т. 49: 479].

Д. Чижевский оценивает опыт Г. Сковороды-писателя только в единстве двух сторон: философской и художественной, как, опять-таки, диктуется принципами барокко, в эстетическом мировидении которого сближены два начала: “научное” (философия) и “художественное” (стиль).

Продолжать примеры едва ли стоит. Общее и различия в подходах каждого из них очевидны и вызваны разными задачами, которые они перед собой ставили. В картине их “собеседования мышления” видится некая научная соревновательность. Не в смысле, конечно, кто громче, сильнее, а намного тоньше, в духе платоновских диалогов, когда каждый из участников предлагает свой подход, а в итоге происходит движение (стремление) к объективной истине. В нашем случае – утверждение обоими учеными высокой роли личностного художественного сознания в диагностике литературного развития.

Литература:

1. Михайлов А. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи. – Москва, 2004.
2. Франко І. Збір. творів: У 50 томах. – К., 1976–1986.
3. Чижевський Д. Історія української літератури. Від початків до доби реалізму. – К., 2003.

Катерина Чегаринська (Одеса)

Традиції Івана Франка у висвітленні “вічних” тем в поезії 60–80-х років ХХ ст.

У багатогранній творчій спадщині Івана Франка визначне місце належить його ліриці, що стала найбільшим досягненням українського поетичного слова після Шевченкового “Кобзаря”. Ліричні поезії І. Франко творив упродовж цілого свого життя – і у дні юності, і у зрілому віці, і на схилі літ. Про що б не писав поет, перш за все його цікавили “вічні” теми. І ці ж питання вже на новому розвитку суспільства цікавлять сучасних поетів, які по-новаторськи пишуть про любов і ненависть, добро і зло, святе й гріховне, правду й кривду, молодість та старість, пам’ять і забуття, щастя й горе, дружбу та ворожнечу.

Почнемо з “вічної” та старої, як світ, теми – любові: адже без неї людина не може народитися, а потім – і жити. Любов – “найвищий ступінь емоціонально позитивного відношення, що виділяє його об’єкт серед інших і розташовує його в центрі життєвих потреб та інтересів суб’єкта” [3: 198]. Тобто йдеться про любов до Батьківщини, матері, ближнього свого і до мистецтва.

Але найдужче я людей люблю,
Тому судьбу благаю і молю,